

УДК 82.091

**НАРОДНОСТЬ ТВОРЧЕСТВА А. С. ПУШКИНА И
А. МИЦКЕВИЧА В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО
НАРОДОЗНАНИЯ**

М. С. Чернова

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

Республика Беларусь, e-mail: chernova@msu.by

В статье рассматривается роль европейских народоведческих идей в развитии творчества А.С. Пушкина и А. Мицкевича. Анализируются значение философско-

эстетических концепций Г.И. Гердера в развитии народности как важнейшего эстетического принципа европейского романтизма, в том числе, в русской и польской литературы. Отмечается связь творчества А.С. Пушкина и А. Мицкевича и народovedческими устремлениями эпохи. Доказывается, что художественное освоение фольклорно-этнографических традиций в творчестве А.С. Пушкина и А. Мицкевича было обусловлено европейским народovedческим контекстом.

Ключевые слова: народознание; народность; национальные особенности; историко-литературный контекст; русская литература; польская литература.

В последние десятилетия в литературоведении особую значимость приобрели проблемы межкультурной коммуникации и взаимодействия национальных литератур. Актуальным оказалось не только сопоставление двух или более литератур, их отдельных архетипических, сюжетных или жанровых структур, но и так называемый диалог культур. Важно подчеркнуть, что концепция истории духовной культуры не может обойтись и без учета влияний на литературное развитие отдельных стран историко-филологической науки, в первую очередь, народознания.

Данная проблема была обозначена еще в 1990-х гг. (Лотман Л.М. «Историко-филологическая наука и русская литература второй половины XIX в.»). Однако понимания необходимости изучения неучтенных ранее факторов, связанных с развитием взаимосвязи литературного процесса и народovedческих наук, до сих пор не достигнуто. Между тем, данный подход открывает новые возможности в исследовании не только мирового литературного движения, но также историко-литературного процесса отдельно взятой страны.

В этой связи целесообразно сопоставить творчество А. С. Пушкина и А. Мицкевича, поскольку они по праву являются создателями своих национальных литератур: наиболее полно понятия «народный» и «национальный» определяют творчество А. С. Пушкина в русской литературе и А. Мицкевича в польской. Они ранее других обнаружили в народной культуре зарождение и развитие тех начал, которые определяют народное мировоззрение и, как точно заметил М. К. Азадовский, «нравственное бытие народа» [1].

В литературоведении принято говорить о плодотворном творческом общении А. С. Пушкина и А. Мицкевича, сравнивать своеобразие их творческой манеры и национального значения [4]. Однако творческий импульс, который получили А. С. Пушкин и А. Мицкевич благодаря фольклору и мифологии, возможно оценить только в контексте общеевропейского литературно-народovedческого движения.

Творчество А. С. Пушкина и А. Мицкевича развивалось в сходных интеллектуальных и эстетических условиях, имевших в начале

XIX в решающее значение в обновлении всей мировой литературы. С одной стороны, это активное собирание памятников старины и фольклора, художественное освоение народной культуры, с другой, – идеологическое осмысление этих культурно-эстетических явлений.

Интерес к крестьянским обычаям, традициям, фольклору в романтическую эпоху приобрело поистине небывалые масштабы. По всей Европе происходили процессы, связанные с поиском национальных корней и своей идентичности. Большой интерес вызвали «Памятники старинной английской поэзии» (1765) епископа Т. Перси, «Песни шотландской границы» (1802-1803) В. Скотта, помимо текстов включавшие введение и комментарий, посвященные описанию быта народа Шотландии. Но особую роль сыграли собрание фольклорных произведений «Голоса народов в песнях» (1807) и теоретические работы Г. И. Гердера.

И в русской, и в польской литературе процесс осознания своей национально-культурной самобытности, как и в Европе, начался с изучения собственного фольклора, народных обрядов и традиций. Точную характеристику этого подготовительного процесса дал польский этнограф З. Я. Доленга-Ходаковский: «Уже прогоркли сладкие чужеземные плоды, употребляемые без меры: чувствуется уже потребность в простых туземных плодах; соберем их старательно, а время, создающее все, даст нам, быть может, нового Баяна, который, пользуясь современным отшлифованным языком, будет описывать картины былого и станет творцом народной оригинальной литературы» [Цит. по 8. Т.3, с.47]. Это суждение касалось в равной мере как польской, так и русской литературы.

В России произведениях Д. И. Фонвизина, В. Майкова, А. О. Аблесимова, Н. А. Веревкина и др. появились образы людей из народа, имевших вполне реалистичные черты. Персонажи народных песен и былин стали героями поэм А. Н. Радищева («Бова») и Н. М. Карамзина («Илья Муромец»). В печати появились песенники М. Д. Чулкова и Н. И. Новикова, сборники народных песен И. Г. Прача и М. И. Попова, а в первой четверти XIX в. Кирши Данилова.

В период Четырехлетнего Сейма польский ксендз С. Сташич провозгласил лозунг: «Сперва народ – потом свобода». Г. Коллонтай, один из выдающихся деятелей Конституции 3 мая 1791 г., предложил проект собирания польских народных преданий и обычаев. Проект Г. Коллонтая послужил толчком к появлению целого исследования «Сватовство, свадьбы, дни рождения и крестьбины у русского народа в Червонной Руси» (1805). В 1810 г. Я. П. Воронич издал свой труд

«Беседа о народных песнях», а в следующем 1811 г. увидел свет большой труд И. Червинского «Описание обычаев русского народа заднестрской области между Стрыем и Ломницей», изданный во Львове.

Таким образом, и русская, и польская литературы к началу XIX в. включились в магистральное литературно-народоведческое движение, предшествовавшее романтизму, главной эстетической категорией которого станет «народность».

В это время самый живой, практический смысл виделся в идеях немецкого философа И. Г. Гердера о народности. Известный историк Г. Кон писал: «Гердер был первым, кто провозгласил, что человеческая цивилизация существует не в универсальных и общих для всех, а в национально-своеобразных проявлениях; каждое проявление должно быть неповторимым, а его оригинальность состоит в духе и языке нации» [5].

В противовес «безличным и безжизненным» имперским системам, «искусственным» увлечениям иностранными модами и языками, царившими при дворах монархов и в салонах знати, И. Г. Гердер все свое внимание сосредоточил на этнически своеобразной культуре крестьянства. Привлекая внимание к неповторимым чертам различных народов мира «в их естественном состоянии и среде обитания», идеи И. Г. Гердера и романтиков положили начало концепции национальной самобытности и тем самым обеспечили средства, при помощи которых представители каждой нации стали определять ее характерные особенности. В решении этой проблемы главное значение отводилось поиску неповторимых черт своего этноса в истории, фольклоре, языке и литературе.

Призывы И. Г. Гердера изучать историю и культуру своего народа особенно актуальными оказались в России эпохи Отечественной войны 1812 г. и в Польше периода ее политического крушения. Сама историческая обстановка, сложившаяся в России и Польше в начале XIX в., обуславливала интерес к национальному прошлому, национальной культуре и традициям, к проблеме национального самосознания, что неизбежно вело к постижению «своей народности» и появлению национальных писателей, выражавших «дух своего народа».

Условия восприятия народной культуры у А. С. Пушкина и А. Мицкевича были различными. Русский поэт происходил из родовитой дворянской семьи, воспитывался в аристократической обстановке, где французская речь была господствовавшей, а родную слышали только от прислуги да бабушки М. А. Ганнибал. Обстановка,

окружавшая А. С. Пушкина и дома, и в Царскосельском лицее, благоприятствовала развитию его литературных интересов, но отнюдь не способствовала постижению народности.

Возможность общения с простым народом А. С. Пушкин получил после высылки из Петербурга, во время своего пребывания в Кিশиневе, на юге и затем в деревенской глуши Михайловского. Общась с Н. Н. Раевским, собиравшим «разинские песни», он познакомился с разбойничьей лирикой. Позже, в Михайловском, а затем в Москве, Болдино, Оренбурге и Уральске он сам записал сказки, а также исторические, свадебные и лирические песни. Мимо его внимания не прошел и сборник «Малороссийские песни» М. А. Максимовича. Этот сборник стал непосредственным поводом к его решению подготовить собственное собрание русских песен.

Домашняя среда А. Мицкевича, напротив, была народной и естественным образом связывала его с фольклором. Он происходил из мелкой, так называемой «застенковой» шляхты, рос в маленьком литовском городке Новогрудке и постоянно находился в соприкосновении с простым народом. Но, как бы ни были благоприятны эти условия, А. Мицкевич тоже не сразу внес в свои произведения народный элемент.

Таким образом, несмотря на различие домашней обстановки и воспитания, А. С. Пушкин и А. Мицкевич почти одновременно вступают на путь постижения народности. Но объясняется это тем, что оба поэта были не этнографами, изучавшими народную поэзию с научными целями, а художниками, творчески воспринимавшими впечатления от окружающей их действительности. Сама интеллектуальная и эстетическая среда стала основой, из которой вырос художественный гений обоих поэтов, и условием для пересечения литературных и фольклорных пластов в их поэтическом сознании.

Работы Г. И. Гердера были известны и А. С. Пушкину, и А. Мицкевичу. Среди разнородного круга чтения героя своей поэмы «Евгений Онегин» А. С. Пушкин указал имя автора «Идей о философии истории человечества»: *«Стал вновь читать он без разбора. / Прочел он Гиббона, Руссо, / Манзони, Гердера, Шамфора, / Madame de Staël, Биша, Тиссо, / Прочел скептического Беля»*. А пушкинские «Наброски о народности литературы» (1826) словно повторяют основную мысль Гердера о географической обусловленности этносов: «Климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию, которая более или менее отражается в зеркале поэзии. Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, поверий и привы-

чек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу» [7. Т.6, с. 238].

Будучи студентом историко-филологического факультета Виленского университета, центра научной и культурной жизни на литовско-белорусских землях, А. Мицкевич не мог не знать теорий Ж. Ж. Руссо и Г. И. Гердера, властителей дум эпохи. Их идеи вдохновили его стать одним из организаторов культурно-просветительского и патриотического студенческого кружка «филоматов», а затем «филоретов». Их членов: Т. Зана, Я. Чечота, И. Домейко и др. – объединяла увлеченность поэзией и фольклором, с которым они связывали процесс демократизации литературы. Позднее в «Парижских лекциях» А. Мицкевич будет развивать и опровергать некоторые суждения Г. И. Гердера о славянах, демонстрируя глубокое понимание «Идей к философии истории человечества».

Продолжая суждения Дж. Вико о том, что «поэтически возвышенное всегда едино с народным», И. Г. Гамана о «непосредственности и силе устной народной поэзии», Ж. Ж. Руссо, сокрушавшегося по поводу отрыва современного искусства от народа, И. Г. Гердер вывел ценностный критерий литературы, которым является степень проявления в ней «народного духа». «Он первый вполне ясно и систематически стал смотреть на всю литературу как на проявление живых национальных сил, как на отражение национальной цивилизации во всем ее целом», – писал В. И. Гете [3, с.313].

Особое значение Г. И. Гердера придавал национальной балладе, обладающей признаками народной. В балладах он видел отражение картины мира, системы ценностей и идеалов, истории и философии, нравов и обычаев определенной нации, а также ее различных социальных слоев: «Песни – это архив народов, сокровищница их науки и религии, их теогонии и космогонии, деяний отцов и событий их истории, отпечаток их сердца, картина их домашней жизни в их радости и горе, на брачном ложе и на смертном одре. Воинственный народ воспевае подвиги, нежный воспевае любовь. Сметливый народ слагает загадки, народ, обладающий воображением – аллегии, притчи, живые картины» [2, с.68]. Песни, о которых идет речь, – это баллады, которые сочетали в себе четыре интересующих Г. И. Гердера элемента: лирический, мифологический, драматический и эпический. Призывая современников «воспеть предметы нашего времени также естественно, с такой же благородной краткостью, силой, движением», Г. И. Гердер, тем самым, ставил вопрос о народности именно перед литературной балладой [2, с.86].

Следовательно, почти одновременное появление в творчестве А. С. Пушкина и А. Мицкевича балладного жанра, более всего связанного с фольклором, недостаточно объяснять лишь влиянием В. А. Жуковского. В данном случае можно говорить о его эстетических традициях и их развитии в творчестве как русского, так и польского поэтов. Между тем, обращение А. С. Пушкина и А. Мицкевича к жанру баллады было вполне сознательным. Это было обусловлено не только их собственными творческими устремлениями, но, в первую очередь, общеевропейскими философско-эстетическими тенденциями.

С одной стороны, традиции балладного творчества автора «Светланы» исключать нельзя. В основе пушкинских баллад «Женя», «Утопленник», «Русалка» и др. заложен обширный пласт не только русского, но и европейского фольклора. Источниками для произведений послужили и рассказы Арины Родионовны, и славянские и немецкие сказки, чешской фольклор, причем песню «Януш-королевич» поэт перевел сам. Ни одна из пушкинских баллад не является литературной обработкой какого-то одного фольклорного источника, а между тем в обрисовке действия, действующих лиц, яркости, меткости и выразительности языка художественно воспроизводится народность, заставляющая называть баллады А. С. Пушкина русскими.

Балладное творчество В. А. Жуковского и личное общение с ним является творческим импульсом и для А. Мицкевича. Но немаловажную роль сыграло знакомство поэта с немецкой литературой, которое произошло также благодаря В. А. Жуковскому. А. Мицкевич (в отличие от А. С. Пушкина, который немецкого языка не знал) читал в подлиннике произведения немецких романтиков, где раскрытие внутреннего содержания народных поверий составляло серьезную задачу. Следуя урокам немецкого романтизма, он произвольно не нагромождал чудеса и суеверия в свои баллады: в объединении народных сюжетов был заложен строгий план и обдуманность. Связь баллад А. Мицкевича с народной поэзией была сознательной, об этом свидетельствуют хотя бы их подзаголовки: баллада «Рыбка» имеет подзаголовок «из народной песни», «Певец» – «на тему народной песни», баллада «Люблю я!» – «пересказ сельской песни», а баллада «Бегство», как указывает сам автор, написана по мотивам песни, которую он слышал на польском языке. «Что же такое народные сказания? - спрашивал он. - Пепел, в котором тлеет едва только искра правды; иероглиф, украшающий поросшие мхом камни; надпись, значение которой исчезло; отголосок славы, раздающейся через океаны лет, отголосок, разбитый о выдумки, сломанный о лживые предания, достой-

ный только смеха ученых? Но, прежде чем я засмеюсь, пусть скажет ученый, что такое наши сказания». И на свой вопрос, «что такое народные сказания?», сам Мицкевич дал блестящий ответ: народ заключил в них «пряжу своих мыслей и цветы своих чувств» [6]. Характер влияния народной поэзии на Мицкевича по преимуществу внутренних. Он ищет в ней вдохновительницу тех общественных мыслей, которые его волнуют. Оставаясь верным и форме народной поэзии, Мицкевич руководствуется в своих балладах задачей отражать внутренний мир народа.

Таким образом, разными путями и А. С. Пушкин, и А. Мицкевич двигались в одном направлении – к созданию национальной баллады. Оба они вовсе не преследовали цель одержать творческую победу над общепризнанным авторитетом В. А. Жуковского. Они обратились к жанру баллады вполне сознательно, что было обусловлено не только их собственными творческими устремлениями, но, в первую очередь, определялось общеевропейскими философско-эстетическими тенденциями.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Азадовский, М. К. Статьи о литературе и фольклоре. М.–Л. : Гослитиздат, Ленинградское отделение, 1960. - 547 с.
2. Гердер, И, Г. Избранные сочинения / И. Г. Гердер. – М.–Л. : Государственное издательство художественной литературы, 1960. – 393 с.
3. Гете, И.В. Поэзия и правда. Из моей жизни / И.В. Гете – М. : Захаров, 2003. – 736 с.
4. Ивинский, Д. П. Пушкин и Мицкевич. История литературных отношений. – М.: Языки славянской культуры, 1993. – 432 с.
5. Кон, Г. Национализм: его смысл и история [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // <http://tradio.ru/holmogorov/library/k/kohn/index.htm>.
6. Мицкевич, Адам. Славянская литература. Из лекций в College de France [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // <http://viduramziu.istorija.net/etno/mickiewicz-ru>
7. Пушкин, А.С. Собр. соч. в 10 т. / А.С. Пушкин – М. : Художественная литература, 1974-1978.
8. Пыпин, А. Н. Белоруссия и Сибирь / А. Н. Пыпин // История русской этнографии. В 4 т – СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1892.

FOLK CREATIVITY OF A.S. PUSHKIN AND A. MITSKEVICH IN THE CONTEXT OF EUROPEAN FOLK STUDIES

M. S. Chernova

Mogilev State A. Kuleshov University

Belarus, e-mail: chernova@msu.by

The article deals with the role of European folk science ideas in the development of the works of A. S. Pushkin and A. Mickiewicz. The article analyzes the significance of G. I.

Herder's philosophical and aesthetic concepts in the development of the nation as the most important aesthetic principle of European romanticism, including in Russian and Polish literature. The connection between the works of A. S. Pushkin and A. Mickiewicz and the folk-science aspirations of the epoch is noted. It is proved that the artistic development of folklore and ethnographic traditions in the works of A. S. Pushkin and A. Mickiewicz was conditioned by the European folk-science context.

Keywords: ethnology; nationality; national peculiarities; historical and literary context; Russian literature; Polish literature.